

Глава 1

В одиннадцать вечера, как и договаривались, незнакомец занял позицию под уличным фонарем.

Найти его было легко — фонарь стоял как раз там, где незнакомцу было сказано. На приграничной территории это был единственный фонарь футов в шести от неровной металлической изгороди, разделяющей Соединенные Штаты и Мексику, который все еще работал.

Незнакомец был один. И не вооружен.

Как и было условлено.

Автомобиль появился в 23:02. Он проехал в центр пространства между двумя параллельными рядами гаражей. Они тоже были сделаны из металла. От палящего солнца крыши их покоробились. Стенки дочиста выскоблены ветром и песком. Пять гаражей с правой стороны. И четыре — с левой. Здесь же, в десяти футах, валялись обломки еще одного, дырявые и изъеденные ржавчиной, — похоже было на то, что когда-то, много лет назад, внутри его что-то взорвалось.

Фары автомобиля светили так ярко, что определить его марку было довольно трудно. А разглядеть, кто сидит внутри, вообще невозможно. Он проехал еще немного вперед и остановился в пятнадцати футах, окутанный облаком песчаной пыли, слегка покачиваясь на изношенных рессорах.

Передние дверцы открылись. Обе. Из машины вышли двое мужчин.

Не так, как договаривались.

Открылись и обе задние дверцы. Оттуда вышли еще двое.

А так уж точно не договаривались.

Все четверо смерили незнакомца взглядом. Им сообщили заранее, что человек, который будет их ждать, мужчина довольно крупный. Этот под описание вполне подходил. Шесть футов пять дюймов ростом. Двести пятьдесят фунтов весом, не меньше. Грудь с оружейный шкаф, ручки как ковш экскаватора. Обросший и нечесаный. Голова давно не мыта, волосы грязные. На лице

многодневная щетина. Одежда грошовая и висит на нем как на вешалке, чего, правда, нельзя сказать про обувь. Словом, нечто среднее между бродягой и неандертальцем. Мимо такого просто так не пройдешь — сразу в глаза бросается.

Водила сделал шаг вперед. Он был на пару дюймов ниже незнакомца и фунтов на пятьдесят с гаком полегче. Одет в черные джинсы и черную футболку без рукавов. На ногах военного образца ботинки, тоже черные. Голова гладко выбрита, а лицо полностью скрыто густой бородой. Остальные последовали его примеру и выстроились с ним в один ряд.

— Деньги, — сказал водила.

Незнакомец похлопал по заднему карману джинсов.

— Отлично, — сказал водила и кивнул в сторону машины. — Заднее сиденье. Залезай.

— Зачем это?

— Отвезу тебя к Майклу.

— Мы так не договаривались.

— Именно так.

— Договор был о том, — покачал головой незнакомец, — что ты мне расскажешь, где находится Майкл.

— Расскажу. Или покажу. Какая разница?

Незнакомец промолчал.

— Ну, давай-давай. Чего ждешь? Гони денежки и садись в машину.

— Уговор дороже денег. Хочешь денег — скажи, где Майкл.

— Условия изменились, — пожал плечами водила. — Не нравится — нам плевать.

— Да, не нравится.

— Ты меня достал! — Водила завел руку за спину и выхватил из-за пояса пистолет. — Быстро в машину.

— Выходит, ты и не собирался отвозить меня к Майклу?

— Неужели?

— Ты хотел отвезти меня к кому-то другому. К тому, у кого ко мне есть вопросы. Так?

— Хватит болтать. Залезай.

— А это значит, стрелять ты в меня не станешь.

— Это значит, убивать не стану. Пока. А ногу прострелить — раз плюнуть.

— Правда? — поинтересовался незнакомец.

Дальнейшее развитие событий сторонний наблюдатель описал бы так: через неуловимую долю секунды незнакомец непостижимым образом оказался стоящим к четверым почти вплотную. Схватив водилу за запястье, он вздернул его руку вверх — так рыболов делает подсечку, когда у него клюнуло. Рука водилы задралась гораздо выше его головы. Настолько высоко, что тот вынужден был даже встать на цыпочки. А левый кулак незнакомец немедленно вонзил в него сбоку. Причем сильно. Так сильно, что от такого удара обычный человек валится с ног. И больше уже не встает. Только вот водила не упал. Не смог. Оставался как бы в подвешенном за руку состоянии. Ноги его заскользили назад. Пистолет выпал из руки. Плечевой сустав вывихнулся. Сухожилия растянулись. Ребра переломались. Словом, одно за другим на него обрушилась целая лавина чудовищных повреждений. И каждое само по себе было чудовищным. Но в тот момент бедняга вряд ли заметил хоть одно из них. Поскольку вся верхняя часть его тела содрогалась от страшной боли. Молнии этой жгучей боли пронизывали его насквозь, и все били из одного места. А именно из области подмышки, где у человека прямо под кожей уютно расположился плотный клубок нервов и лимфатических узлов. Тот самый, в который только что вонзился жесткий кулак.

Незнакомец подобрал пистолет водилы, а самого его подтащил и уложил на покрытый тусклым лаком капот машины. Задышавшись, бедняга лишь повизгивал и корчился на нем. А незнакомец повернулся к остальным троим.

— Советую вам, ребята, по-быстрому сваливать отсюда. Чем быстрее, тем лучше. Пока у вас еще есть такой шанс.

Стоящий в центре этой троицы сделал шаг вперед. Он был примерно одного роста с водилой. Разве что чуть пошире. Волосы коротко острижены. Лицо выбрито. На шее толстая серебряная цепь. А на морде мерзкая ухмылочка.

— Разок тебе повезло, — прохрипел он. — Но только разок. Залезай-ка в машину, а то я сделаю тебе больно.

— Серьезно? — снова поинтересовался незнакомец. — Опять?

А сам не двинулся с места. Он заметил, как все трое незаметно переглянулись. И сразу прикинул: если не дураки, то попытаются

применить прием тактического отхода. Или же, если достаточно опытный, бросятся на него все разом. Но сначала один из них должен обойти его сзади. Сделает вид, что хочет посмотреть, что там с раненым. Или — что испугался и хочет спрятаться в машине. Или даже удрать вообще. А потом, когда он будет уже на позиции, они атакуют втроем. Одновременно с трех направлений. Один при этом наверняка пострадает. Возможно, двое. Но вот у третьего может появиться шанс. Если подвернется удобный случай. И он сумеет им воспользоваться.

Но они оказались дураками. И опыта, судя по всему, никакого. О тактическом отходе, видно, не слыхивали. И зайти со спины никто даже не попытался. Какое там... Тот, что стоял по центру, сделал еще шаг вперед, причем в одиночку. Изобразил идиотскую, якобы бойцовскую стойку. Издал не менее идиотский вопль. Сделал вид, будто наносит удар кулаком в лицо. А другой кулак выбросил в солнечное сплетение. Тыльной стороной руки незнакомец отбил этот удар, а правым кулаком с торчащей средней костяшкой ткнул противника в бицепс. Тот взвизгнул и отскочил назад — подмышечный нерв его был парализован, и рука временно вышла из строя.

— Еще раз советую... поскорее убирайтесь отсюда, — сказал незнакомец. — Не то зашибу.

Давешний противник снова ринулся вперед. На этот раз маскировать свои действия он и не пытался. Весь вложил в страшный, размашистый удар здоровой рукой. Незнакомый откинулся назад. Кулак нападающего пролетел мимо. Незнакомец проводил его взглядом, потом вонзил костяшку кулака ему прямо в трицепс. Теперь в неисправном состоянии оказалась и вторая рука противника.

— Топай отсюда, — повторил свое предложение незнакомец. — Пока способен ходить.

Но бедолага все не унимался. Выпад. Правая нога его взвилась вверх. Сначала бедро, за ним и стопа с коленом. С максимальной мощностью. Целясь незнакомцу между ног. Но до цели стопа так и не долетела. А все потому, что незнакомец тут же ответил ударом ногой. Очень коварным ударом. Точным и проходящим по низкой траектории. И попал противнику прямехонько в голень. И на максимальной скорости. Нашла коса на камень. Кость на носок ботинка незнакомца. А ботинки у него, как было замечено, крепкие. Их он купил много лет

назад в Лондоне. С многослойной кожаной подошвой, на хорошем, крепком клею. Проверенные временем. Затвердевшие в результате воздействия дурной погоды. Прочные, как сталь.

Щиколотка противника затрещала. Он завопил, точно резаный, отпрянул назад. Потерял равновесие и обрести его снова не смог — руки-то не работали. Стопа его коснулась земли. Концы раздробленной кости со скрипом соединились. Ногу пронзила адская боль. Казалось, каждый нерв в ней раскалился добела. Такого выдержать его организм уже не смог. Еще полсекунды он пребывал в вертикальном положении, хотя сознание уже успел потерять. Потом опрокинулся на спину и остался лежать неподвижно, как поваленное дерево.

Двое других тут же показали незнакомцу тыл и рванули к машине. Но передние дверцы они миновали. И мимо задних тоже проскочили. Добежали до багажника. Крышка багажника откинулась вверх. Один из бегунов нырнул в него и пропал из виду. Тот, что поменьше ростом. Потом появился снова. И теперь в каждой руке он держал по предмету. Что-то похожее на бейсбольные биты, но длиннее. И утолщения на концах не круглые, а квадратные, с ровными ребрами. Рукоятки кирки. Или топорщища колуна. В умелых руках оружие очень эффективное. Одну дубинку он передал тому, что повыше ростом, потом парочка вернулась обратно и остановилась от незнакомца футах в четырех.

— Ну что, переломать тебе ноги? — спросил тот, что повыше, и облизнул губы. — На вопросы отвечать ты сумеешь. А вот ходить уже вряд ли. Разве что с палочкой. Так что хватит тут трахать нам мозги. Давай в машину. И поехали.

Еще раз предупредить их незнакомец не стал. И без того с самого начала был с ними вполне откровенен. Сами виноваты, раз уж решили лезть на рожон.

Тот, что пониже, размахнулся было, но остановился. Тогда его примеру последовал тот, что повыше. Но размахнулся уже по-настоящему. И вложил в размах весь свой вес. Хотя такой прием — гиблое дело. Так обращаться с подобным оружием — серьезная промашка. Шаг назад — и тяжелая деревянная дубина просвистела у незнакомца мимо живота. И инерция неумолимо заставила ее продолжить движение по дуговой траектории. Дубина была слишком велика, чтобы боец смог остановить ее полет. Обе руки его словно прилипли к рукоятке. Следовательно, голова оставалась

незащищенной. А также торс. И колени тоже. Целый набор соблазнительных, совершенно незащищенных целей, бей — не хочу. В любой другой день незнакомец так бы и сделал. Но в данном случае времени оказалось маловато. Так что высокий сумел выпутаться. Его выручил верный товарищ. Перехватив топориче, как копье, он ткнул им незнакомцу в живот. В первый раз — не входя в контакт, стараясь лишь привлечь к себе внимание незнакомца. Потом ткнул во второй раз, надеясь оттеснить его назад. Затем бросился вперед. Это был кульминационный момент. Или стал бы таковым, не замешкайся чуть-чуть этот тип со своей дубинкой. И не упрись ногами в землю слишком твердо. Так что, когда он выбросил вперед свое так называемое копье, незнакомец уже просчитал все заранее. Он сдвинулся в сторону. Схватился за топориче как раз посередине. И рванул на себя. Сильно рванул. Атакующий на ярд протасился вперед и только потом понял, что происходит. И выпустил топориче из рук. Но было уже поздно. Судьба его была предрешена. Незнакомец взмахнул трофеем и резко, словно в руках у него был настоящий топор, а перед ним стояла чурка, опустил оружие на голову противника. Тот закатил глаза. Колени подкосились, он сразу весь обмяк и бездыханной тушей свалился к ногам незнакомца. Теперь он встанет очень не скоро. Тут и к гадалке не ходи.

Тот, что повыше ростом, бросил быстрый взгляд вниз. Увидел на земле бесформенные очертания товарища. И взмахнул своим топоричем. Целясь неизвестному в голову. На этот раз удар он наносил гораздо резче. Явно хотел отомстить за друга. А также остаться в живых. И промазал. Опять. А сам подставился. Тоже опять. Но на этот раз спасло его нечто другое. А именно тот факт, что он оставался последним из своего небольшого отряда, кто еще мог держаться на ногах. Другими словами, единственно доступным источником информации. Теперь он являл собой стратегическую ценность. Что предоставило ему шанс еще раз взмахнуть своей булавой. Он так и сделал, а незнакомец тут же парировал. Но этот упрямец продолжал наступать, размахивая топоричем направо и налево, направо и налево, как лесоруб, у которого крыша поехала. Ему удалось на полной скорости сделать еще с десятков таких движений, однако дальше рубить он не смог — выдохся.

— Да ну его на хрен! — сказал он, бросил топориче и, сунув руку за спину, выхватил пистолет. — Плевать мне на все, что ты должен там рассказать. Сдохни, скотина.

Он сделал два шага назад. А ведь следовало бы сделать три. Увы, не взял в расчет длину рук незнакомца.

— Давай-ка не будем с тобой торопиться, — сказал незнакомец.

Легким, неуловимым движением он взмахнул своим топоричем, и пистолет отлетел в сторону. Потом шагнул к противнику и схватил его за шкуру.

— Может, мы с тобой еще и прокатимся, — продолжил он. — Так вышло, что у меня самого появились к тебе вопросы. И ты сможешь...

— Стой! — раздался вдруг женский голос.

Голос уверенный. Властный. Он прилетел из тени, которую отбрасывал правый ряд гаражей. Словом, на сцену явился новый персонаж. А ведь незнакомец прибыл на место в восемь часов вечера, то есть на три часа раньше назначенного, и прошерстил каждый дюйм территории. И был уверен, что здесь нет больше ни единой живой души.

— Отпусти его.

От мрака густых теней отделился человеческий силуэт. Женский. Ростом примерно пять футов десять дюймов. Худошава, стройна. Слегка прихрамывает. Обе руки держит перед собой, видны неясные очертания зажатого в пальцах, тускло поблескивающего пистолета.

— Отойди в сторону.

Незнакомец и не подумал. Пленника продолжал держать все так же крепко.

Женщина медлила. Пленник находился между ней и незнакомцем. Позиция, конечно, не идеальная. Но пленник на шесть дюймов ниже. И стоит слегка в стороне. Значит, все-таки можно стрелять прицельно. Скажем, незнакомцу в грудь. Прямо в выступающий прямоугольник. Размерами где-то шесть дюймов на десять. А что, довольно приличный по площади, прикинула она. И расположен более или менее удачно. Она сделала вдох. Медленно выдохнула. И нажала на спусковой крючок.

Незнакомца отбросило назад. Он упал на землю, широко раскинув руки, одно колено приподнято, голова повернута лицом в сторону пограничной ограды. Не шевелится. Совсем. Рубаха рваная, в дырках.

Грудь покрыта липкой, отсвечивающей красной жидкостью. Но фонтана крови не видно. И никаких признаков сердцебиения.

Никаких признаков жизни вообще.

Эту прилизанную, опрятную территорию сейчас все называют словом «Плаза»^[1], а когда-то здесь простирался обширный и густой лес. В основном американский черный орех. Деревья безмятежно росли здесь веками. Но вот в семидесятых годах девятнадцатого столетия одному купцу на пути в Калифорнию и обратно пришло в голову устроить в этом месте привал и в тени деревьев дать отдых своим уставшим мулам. Местечко так ему приглянулось, что он в конце концов построил себе здесь хижину. А когда совсем состарился и не смог больше трястись по стране на мулах, он продал своих животных и остался здесь навсегда.

Его примеру последовали и другие. Хижина обросла домами и превратилась в деревню. Деревня выросла в небольшой городок. Городок раскололся на две половины — так делится живая клетка, когда начинает активно размножаться. Обе половины стали быстро расти. Одна распространялась в южную сторону. Другая — в сторону севера. Постоянный рост продолжался много лет. Потом наступил застой. За ним и упадок. Медленный, непрерывный и зловещий. Пока в конце тридцатых годов двадцатого века не произошел неожиданный и благодатный толчок. Сюда вдруг нагрянула целая армия инспекторов, землемеров и геодезистов. За ними подтянулись рабочие. Строители. Инженеры. Даже кое-какие художники и скульпторы. Всех их в эти места прислала организация под названием WPA^[2].

Ни один человек из местных понятия не имел, почему были выбраны эти две половинки одного городишки. Кто говорил, что по ошибке. Мол, какой-то чиновник-бюрократ неправильно прочитал запись в папке и направил ресурсы не туда, куда было положено. Другие предполагали, что в Вашингтоне какая-то шишка что-то задолжала местному градоначальнику. Но какой бы причина ни была, против перемен никто не возражал. Да и кто будет возражать, если в этих местах стали прокладываться новые дороги. Строиться новые мосты. И возводиться новые, самые разные постройки. Работы по осуществлению проекта длились много лет. И оставили после себя, можно сказать, неизгладимый отпечаток. Арочные строения из

необожженного кирпича, характерные для обоих городов, смотрелись теперь более правильными. Здания приобрели единообразный вид. Планировка улиц выглядела строже. Стали чаще появляться блага щедрой современной цивилизации. Строились школы. Возникали муниципальные учреждения. Службы пожарной охраны. Полицейские участки. Появилось здание суда. Музей. А также медицинский центр.

Но через несколько десятилетий деньги у правительства иссякли и численность населения снова стала сокращаться. Некоторые объекты отжили свой век и обветшали. Другие были по дешевке распроданы. Третьи снесены. Но вот медицинский центр продолжал оставаться основным учреждением здравоохранения на много миль в округе. В него входил медицинский кабинет. Аптека. Больница на пару десятков коек. Педиатрическое отделение с помещениями для родителей, которые могли бы жить здесь вместе со своими больными детишками. И даже морг, да благословит Господь щедрость тех планирующих органов «Нового курса». Морг, конечно, припрятали подальше, глубоко в подвальном помещении. Где следующим утром должен был работать доктор Улье.

Доктору Улье от роду было семьдесят два года. Он служил этому городу всю жизнь. Когда-то он трудился в дружной команде вместе со своими коллегами. А теперь вот остался единственным в городе врачом. Он нес ответственность за все медицинское обслуживание, начиная с акушерства и кончая лечением простуды и диагностикой рака. А также производил необходимую работу с умершими. Вот почему в тот день он был на службе так рано. Дежурство его началось чуть ли не с полуночи. Ему позвонили и сообщили о стрельбе на окраине города. Такое событие всегда привлекает к себе внимание. Он знал это по собственному опыту. И теперь ждал визита. Который должен состояться совсем скоро. И ему нужно быть к нему готовым.

На его рабочем столе стоял компьютер, но он был выключен. Свои записи доктор предпочитал делать от руки. Так лучше запоминаешь. У него была своя форма ведения записей. Он сам ее для себя придумал. Не идеал, конечно, но работала хорошо. Куда уж лучше всего того, что ему навязывали эти умники из Силиконовой долины. А главное, это касалось данной, в частности, ситуации, не в электронном виде, куда может добраться всякий. Доктор Улье уселся за стол, взял авторучку,

подаренную ему еще отцом по окончании медицинского колледжа, и принялся записывать результаты ночной работы.

В дверь без стука вошел человек. Не поздоровался. Хотя бы из вежливости. Просто открылась дверь, и он вошел. Все такой же, как и обычно. Возрастом чуть за сорок, густые вьющиеся волосы, костюм из коричневой парусины. «Перки»^[3] — так доктор Улье про себя называл его за упругую, подпрыгивающую походку. Настоящего имени его он не знал. Да и не очень хотелось.

Перки начал с дальнего конца помещения, где расположены холодильные камеры. «Мясохранилище», как окрестил это место доктор Улье после многих лет работы с его содержимым. Туда вел ряд из пяти стальных дверей. Перки подошел к ним, по очереди внимательно осмотрел каждую ручку, хотя прикоснуться не стал. Он никогда этого не делал. Двинулся дальше, к стоящему посередине помещения прозекторскому столу. Осмотрел также ряд стальных тележек, выстроившихся у дальней стенки, возле стерилизационного автоклава. А уж потом подошел к столу.

— Телефон, — сказал он и протянул руку.

Доктор Улье передал ему свой мобильник. Перки проверил его, убедился, что он не записывает, сунул аппарат в карман штанов и повернулся к двери.

— Чисто, — сказал он.

В помещение вошел еще один человек. «Мантис»^[4] — так прозвал его доктор Улье, потому что всякий раз, когда он смотрел на этого человека с его длинными худыми конечностями, угловатым корпусом и глазами навывкате, ему в голову приходил образ именно этого насекомого. На щеке Мантиса остался большой треугольный шрам от ожога, и впечатление дополняла похожая на клешню правая рука с тремя отсутствующими пальцами. Доктор Улье знал и настоящее имя этого человека. Ваад Дендонкер. Это имя в городе знал всякий, даже если его самого ни разу не видел.

Вслед за Дендонкером вошел третий. Он был чем-то похож на Перки, но волосы у него были прямее, костюм темнее. А лицо было столь невыразительное и манера двигаться столь бесшумная, крадущаяся, что доктор Улье так и не смог подобрать ему подходящего прозвища.

Дендонкер остановился посередине помещения. В резком свете лампы его бледные волосы были почти невидимы. Он медленно сделал оборот на триста шестьдесят градусов, оглядывая все помещение. Потом повернулся к доктору Улье.

— Показывай, — приказал он.

Доктор Улье пересек комнату. Посмотрел на часы, затем повернул штурвал, открывающий центральную дверь мясохранилища. Выдвинул консольную полку на роликах, где лежало накрытое простыней тело. Это был человек высокого роста. Занимал почти всю полку в длину. И вообще очень крупный, широкоплечий. Плечи едва помещались в пространстве ячейки. Доктор Улье медленно приподнял простыню, открывая голову мертвого. Мужчина. Густые волосы спутаны. Черты бледного лица резкие, глаза закрыты, закреплены лентой.

— Отойди, — сказал Дендонкер.

Он отпихнул доктора Улье в сторону. Сорвал с трупа простыню, бросил ее на пол. Тело было обнажено. Если скульптура Давида работы Микеланджело была создана, для того чтобы воплотить в себе красоту мужского тела, то лежащий перед ним человек вполне мог бы с ней соперничать. Но только воплощая в себе скорее противоположные его качества. Изящества в нем не найти было ни на йоту. Как и утонченности. Одно лишь воплощение зверской силы и грубости. В чистом виде.

— Это, что ли, стало причиной смерти? — спросил Дендонкер, указывая на грудь трупа.

В ней зияла слегка припухшая рана. Края неровные, рваные и уже успели побуреть.

— Ну да, у этого парня была бурная жизнь, — ответил доктор Улье и посмотрел на часы. — Кто бы сомневался.

— В него и раньше стреляли, — сказал Дендонкер, указывая на шрамы с другой стороны груди. — Да и вот еще.

— Шрам на животе? — бросил на него быстрый взгляд доктор Улье. — Прямо как морское чудище. Наверное, кто-то всадил в него нож.

— Это не ножевая рана. Это что-то совсем другое.

— Например?

— Не важно. Что еще мы про него знаем?

— Не много.

Доктор Улье поднял простыню и накрыл ею труп с головой.

Дендонкер сорвал простыню и снова швырнул ее на пол. Он еще не закончил разглядывать самый большой шрам на теле трупа.

— Я говорил с шерифом, — сказал доктор Улье, направляясь к столу. — Возможно, парень был бродягой. В приграничной гостинице он снял номер. Внес деньги до следующих выходных, заплатил наличными, но вещей его там не оказалось. И адрес постоянного проживания у него фальшивый. Ист-стрит, сто шестьдесят один, Бронкс, Нью-Йорк.

— Откуда ты знаешь, что фальшивый?

— Я там бывал. Это все равно что сказать «Янки-стэдиум»^[5]. И имя в гостинице он называл ненастоящее. Зарегистрировался как Джон Смит.

— Смит? Вполне могло быть его настоящим именем.

Доктор Улье покачал головой. Он достал из верхнего ящика стола пластиковый пакет «зиплок» и протянул Дендонкеру.

— Смотрите сами, — сказал он. — Это было у него в кармане.

Дендонкер открыл пакет и достал оттуда паспорт. Старый и сильно потрепанный. Он открыл его на второй странице. Где указаны личные данные.

— У него же истек срок годности.

— Это не важно. Паспорт все равно действительный. Посмотрите на фото. Старое, конечно, но лицо то же самое.

— Ладно. Ну-ка посмотрим. Имя: Ричер, Джек, прочерк. Гражданство: Соединенные Штаты Америки. Место рождения: Берлин, Западная Германия. Интересно.

Дендонкер еще раз посмотрел на мертвое тело. На шрам на животе.

— Может, он Майкла и не искал. Может, меня искал. И очень хорошо, что эта шизанутая пристрелила его.

Дендонкер отвернулся и швырнул паспорт в мусорный бачок, стоящий рядом со столом доктора Улье.

— Каковы результаты осмотра?

Доктор Улье протянул ему бумагу, которую только недавно заполнил. Дендонкер прочитал каждый пункт дважды, потом скомкал бумагу, и она полетела вслед за паспортом в тот же бачок.

— Все это сжечь. — Он повернулся к двоим, которые пришли вместе с ним. — Избавьтесь от тела. В обычном месте.

Глава 2

В первый раз я столкнулся с женщиной, которая слегка прихрамывала, за два дня до этих событий. Мы встретились с ней на дороге за чертой города с его тускло освещенной, заставленной гаражами приграничной территорией, с его медицинским центром, где работал доктор Улье. Дорога была пуста. Я шагал себе пешком. А женщина проехала в джипе. Военного образца. Старом. Возможно, еще времен вьетнамской войны. Трафаретной маркировки на нем я не разобрал, совсем выцвела. Окраска зеленовато-желтая, заляпанная грязью и покрытая белесой пылью. Без крыши. Без дверец. Ветровое стекло лежит на капоте, но не закреплено. Каркасы для крепления канистр с бензином пусты, ремни для коробок с инструментами праздно свисают. Протекторы на покрышках стерлись донельзя. Двигатель молчит. Запасного колеса не видно. В общем, сказать, что тачка в хорошем состоянии, было трудно.

Солнце стояло высоко. Думаю, градусник показал бы больше восьмидесяти^[6], хотя и ненамного, но спрятаться от солнца было некуда, и поэтому казалось, что воздух прогрелся сильнее. По спине у меня бежали капельки пота. Ветер усиливался, и поднятый им песок жалил щеки. Утром, когда я еще только проснулся, прогулка пешком в мои планы не входила. Но наши планы частенько меняются. И не всегда к лучшему. И планы этой женщины, кажется, тоже приняли нежелательный оборот. Вот здесь она резко затормозила, машина пошла юзом по выжженному солнцем асфальту, оставив на дороге в виде следа приличную часть еще сохранившейся на колесах резины. А здесь джип съехал с дороги и врезался в ствол дерева. Низкорослого такого, кривого и некрасивого, на ветках которого не осталось почти ни листочка. Такое дерево вряд ли получит приз на конкурсе красоты. Это ясно как дважды два. Но вот крепким оно было — это точно. Единственное растение на многие мили в обе стороны, которое выросло выше человеческого пояса. Если бы та, что сидела за рулем, не справилась на этой дороге с управлением в любом другом месте, она попала бы разве что в заросли растущего по обе стороны кустарника. И вполне могла бы выехать задним ходом обратно. Пейзаж

выглядел так, будто толпа великанов запустила под грубое зеленое одеяло свои лапищи с широко растопыренными пальцами.

Как эта баба умудрилась врезаться именно в дерево — загадка. Может быть, ее ослепило яркое солнце. А может, на дорогу выскочил какой-то зверек или птичка спикировала. Вряд ли тут вмешалась другая машина, это маловероятно. Кто знает, может, у нее были неприятности, плохое настроение, и она сделала это нарочно. Но какой бы ни была причина ее аварии, сейчас решать эту проблему не время.

От удара женщина врезалась грудью в рулевое колесо. Вытянутая вперед левая рука лежит на упавшем на капот ветровом стекле. Ладонь раскрыта, словно женщина молила дерево о помощи. Правая рука сложена на животе. Голова опущена, смотрит вниз, в пол у себя под ногами. Сидит совершенно неподвижно. Никаких признаков кровотечения, а также повреждений. И это хорошо. Но и дыхания тоже не слышно. Надо пощупать пульс или как-то еще убедиться, что она жива. Я подошел к джипу вплотную. Протянул руку к шее, медленно, осторожно. Убрал в сторону волосы и нащупал сонную артерию. И вдруг женщина выпрямилась. Очень быстро. И развернулась ко мне лицом.левой рукой отбросила прочь мою руку. А правой уперла ствол мне в живот. Секунду выждала — видно, хотела убедиться, что я не собираюсь вести себя плохо. И буду слушать ее внимательно. Это было понятно.

— Сделай шаг назад, — приказала она. — Но только один, не больше.

Говорила твердо, но спокойно, в голосе не чувствовалось ни страха, ни сомнения.

Я повиновался. Сделал шаг назад. Правда, довольно большой. И тут я понял, почему она смотрела сквозь рулевое колесо вниз, на пол машины. Между педалью газа и туннелем карданного вала был зажат осколок зеркала. Должно быть, она нарочно обломала его так, чтобы он как раз там поместился и она смогла бы узнать о том, что к ней кто-то приблизился.

— А где твой приятель? — спросила она и повертела головой вправо и влево.

— Тут никого больше нет, — ответил я. — Я один.

Взгляд ее метнулся к зеркалу заднего вида. Оно было развернуто под таким углом, чтобы видеть всякого, кто крадется у нее за спиной.

— Тебя одного послали? Ты это серьезно?

Женщина проговорила это тоном, исполненным обиды и разочарования. Она уже начинала мне нравиться.

— Никто меня никуда не посылал, — ответил я.

— Хватит врать.

В подкрепление своих слов она ткнула пистолетом в мою сторону.

— Впрочем, плевать. Один или целая команда, какая разница? Дела это не меняет. Выкладывай, где Майкл. Прямо сейчас. И не вздумай вилять, иначе прострелю тебе пузо и оставлю здесь помирать.

— Я бы очень хотел тебе все рассказать, — сказал я и поднял руки вверх, ладонями к ней. — Но тут есть одна проблема. Не могу. Я не знаю, кто такой Майкл.

— Да ладно... — Она помолчала, снова оглядываясь. — Погоди-ка... А где твоя машина?

— У меня нет машины.

— Не умничай. Где твой джип? Или мотоцикл? На чем ты сюда приехал?

— Я пришел сюда пешком.

— Что за чушь собачья?!

— Ты что, разве слышала шум мотора? Или другого механизма?

— Ладно, — выдержав долгую паузу, сказала она. — Ты пришел пешком. Откуда? И зачем?

— Сбавь обороты, — дружелюбно произнес я, чтобы она ненароком не обиделась. — Давай вместе подумаем. Я могу разложить перед тобой по полочкам весь свой день, минуту за минутой. И в других обстоятельствах был бы просто счастлив сделать это. Но сейчас разве тебе интересно слушать, как я готовился к дороге? Может, лучше спросить, тот ли я человек, которого ты ждешь? У которого есть информация о Майкле?

Она ничего не ответила.

— Потому что если я не тот, кто тебе нужен, и если он явится, когда я буду еще здесь, то твоя комбинация с автомобильной аварией не сработает.

Она продолжала молчать.

— И вообще, существует ли закон, гласящий, что по этой дороге могут ходить только те люди, на которых ты устраиваешь засаду? А всем другим передвигаться по ней запрещено?

Я заметил, как она бросила быстрый взгляд на часы.

— Посмотри на меня. Я здесь сам по себе. Иду пешком. Не вооружен. Разве этого ты ожидала? Разве это тебе ни о чем не говорит?

Голова ее на дюйм повернулась влево, глаза сощурились. Через мгновение и я это уловил. Какой-то звук. Доносился издалека. Автомобильный двигатель. Работает неровно. Прерывисто. И тарахтит все ближе.

— Время принимать решение, — сказал я.

Она по-прежнему молчала. Звук мотора становился все громче.

— Подумай про Майкла, — продолжил я. — Лично я не знаю, где он. Но если тот, кто к нам приближается, это знает, а ты будешь продолжать меня здесь удерживать, потеряешь свой шанс. И уже никогда этого не узнаешь.

Она все молчала. А двигатель работал еще громче. Она вдруг махнула рукой на другую сторону дороги:

— Беги вон туда. Быстро. Там в десяти ярдах канава. Под углом к дороге. Типа русло какого-то ручья. Высохшего. Спрячься там. Пригни пониже голову. И сиди тихо как мышка. Чтобы ни звука. Только не спугни их. Не сорви мне все дело. Если сорвешь...

— Не волнуйся, — откликнулся я уже на бегу. — Я все понял.

Глава 3

Канава оказалась точно там, где женщина говорила. Я нашел ее без проблем. И залег в ней еще до того, как вдали показалась машина. В этом русле ручья было сухо. А что, прекрасное укрытие, подумал я. Но более важный вопрос заключался в том, стоит ли вообще прятаться. Или даже уходить отсюда.

Я осторожно выглянул, посмотрел в сторону джипа. Женщина приняла прежнюю позу, положив голову на рулевое колесо. Голову отвернула от меня в противоположную сторону. То есть в свое зеркальце она меня не видит. Я не сомневался в том, что она меня не заметит. А если и заметит, то вряд ли станет стрелять. Не захочет спугнуть того, кто к ней сейчас приближается.

Уйти отсюда было бы вполне разумным решением. Без всяких сомнений. Но тут появилась проблема. У меня возникли вопросы. И не один и не два, а целая куча. Например, кто она, эта женщина? Кто такой Майкл? Кто за ней охотится? И способна ли она в самом деле выстрелить человеку в живот и оставить его умирать?

Я снова выглянул, посмотрел на дорогу. Увидел вдали окутанное облаком пыли пятнышко. Прикинул, что время еще есть, подобрал на высохшем дне ручья камень. Размером примерно с брикет шлакобетона. Установил его на кромке берега между собой и джипом. Нашел еще один, более узкий и плоский. Установил его под углом к первому и между ними оставил треугольное отверстие. Небольшое. Как раз такого размера, чтобы можно было смотреть одним глазом. Физика средней школы. Передо мной открывалось поле зрения, будто я гляжу сквозь невидимый конус. И джип как на ладони, и пространство вокруг него. В мою же сторону угол соответствующим образом сужался, и на таком расстоянии ни один человек не смог бы заметить, что я за ним наблюдаю.

В облаке пыли возник автомобиль. Еще один джип. И тоже военного образца. Он неотвратно приближался. Медленно, словно никуда не торопился. Когда он был уже совсем близко от меня, водитель, видно, заметил на асфальте след резкого торможения, свернул на обочину и остановился. В джипе сидело двое. Водила и

пассажир. Оба в футболках защитного цвета. На головах бейсболки такого же цвета и зеркальные солнцезащитные очки. Между ними завязался оживленный разговор. Разговор сопровождался выразительной жестикуляцией, включающей взмахи рук в сторону дерева. Это говорило о том, что они совсем не ожидали никого здесь увидеть. Или не ожидали увидеть никого в таком же, как у них, джипе, что могло означать, что они из той же компании. Или же не ожидали ни того ни другого. Я подумал, что они сейчас станут куда-то звонить, докладывать об изменении обстановки. Спросят, не будет ли в связи с этим новых приказаний. Или, если они ребята толковые, вообще поскорее уберутся отсюда. Но они ничего такого не делали. Они снова поехали вперед, еще быстрее, чем прежде, подъехали к стоящему джипу со стороны сиденья водителя и остановились.

— Невероятно, — произнес сидящий на пассажирском сиденье, прыгнул на землю и встал между двумя машинами.

Мне была видна рукоятка пистолета, торчащая из-за пояса его свободных, с большими накладными карманами штанов. Рукоятка с довольно потертой насечкой.

— Она, что ли?

Водитель тоже выбрался, обошел машину кругом и встал рядом с товарищем. Положил руки на бедра. И у него тоже был пистолет.

— Твою мать! — выругался он. — Дендонкер здорово разозлится.

— А нам-то что до этого, — сказал пассажир и взялся за рукоять пистолета. — Давай быстро. Работаем.

— Она хоть живая? — спросил водитель и почесал макушку.

— Надеюсь, — отозвался пассажир и сделал шаг вперед. — Сейчас слегка позабавимся. Заслужили.

Он протянул свободную руку к шее женщины.

— Ты когда-нибудь занимался этим с калеками? Я — нет. Но всегда интересно было, какие ощущения.

Водитель подошел к нему вплотную.

— Я... — начал он.

Женщина выпрямилась. Повернулась к ним. Подняла пистолет. И выстрелила пассажиру прямо в лицо. Верхнюю часть его черепа снесло к чертовой матери. Сначала она была на месте. А через мгновение превратилась в плывущее по воздуху розовое облачко. А кепка, порхая, упала на землю. Тело повалилось назад. В падении все

еще вытянутая вперед рука развернулась и успела шлепнуть водителя по бедру. Шея убитого со стуком ударилась об открытую дверцу его джипа.

Водитель полез за своей пушкой. Схватил правой рукой. Потянул из-за пояса. И успел вытащить примерно на три четверти. Попытался выхватить. Но видно, уж очень спешил. А это грубая ошибка. Ствол зацепился за пояс. Рука соскользнула с рукоятки. Пушка свободно повисла. Рукоятка перевесила, и пушка упала. Водитель попытался ее подхватить. Но не получилось. Наклонился, с безумным видом принялся шарить рукой по грязной земле и тут вдруг увидел пистолет в руке женщины. Ствол его двигался. Остановился, уставившись прямо ему в лицо. Водитель замер. Потом отпрыгнул назад. Нырнул, укрывшись за ее джипом. На карачках прокрался на пару ярдов вперед. Добрался до дороги, вскочил на ноги. Побежал. Женщина, сидя на месте, развернулась. Задержала дыхание. Прицелилась. Нажала на спусковой крючок. Похоже, пуля свистнула всего в дюйме от уха беглеца, чуть не оторвала. Он метнулся влево, шлепнулся на землю и два раза перевернулся. Женщина выбралась из машины. Подошла к ней сзади. Тут я в первый раз заметил, что она припадает на левую ногу. Женщина подождала, когда беглец вскочит на ноги, и снова пальнула. На этот раз пуля попробовала оторвать ему левое ухо. Он шарахнулся в противоположную сторону, снова бросился на землю и, по-змеиному извиваясь всем телом, пополз вперед.

— Стой! — крикнула женщина, — похоже, она уже начала терять терпение.

Беглец упрямо продолжал ползти.

— На этот раз я не промахнусь, — проговорила она. — Но убивать я тебя не стану. Просто перебью позвоночник, и все.

Беглец шустро перевернулся на спину, словно это могло как-то защитить ему позвоночник. Пару раз дрыгнул ногами, отталкиваясь от земли, словно хотел поплыть. Правда, у него ничего не вышло. Лишь поднял вокруг себя облако пыли, но вперед продвинулся всего на несколько дюймов. Руки и ноги его обмякли. Голова бессильно упала на землю. Он закрыл глаза. Какое-то время лежал, тяжело дыша. Потом сел и вытянул руки ладонями вперед, словно защищаясь от невидимой нечистой силы.